

Под ЧЁРНОЙ ВОДОЙ

Денис Иваненков

Под чёрной водой

<https://litres.ru/74350209>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей Воронов возвращается в Мороков — маленький северный город, где прошло его детство, о котором он почти ничего не помнит. После смерти отца ему нужно всего лишь разобрать старый дом, оформить наследство и уехать. Но в первую же ночь из запертого подвала доносится стук, на кухонном столе появляется мокрый отпечаток детской ладони, а среди вещей отца Алексей находит фотографии людей, исчезавших возле озера Вереск на протяжении десятилетий.

На одном из снимков — он сам, семилетний. Рядом с ним мальчик по имени Илья, пропавший двадцать семь лет назад.

Постепенно Алексей узнаёт то, что родители скрывали от него всю жизнь: когда-то четверо детей ушли к озеру и исчезли. Вернулись только трое. Они рассказывали о лестнице, уходящей под воду, о комнатах, которых не могло существовать, и о голосах умерших, зовущих из темноты.

Теперь лестница появляется снова.

Содержание

Глава 1. Дом, который меня помнил	4
Глава 2. Комната под лестницей	12
Глава 3. Люди, которые смотрели на озеро	19
Глава 4. Голоса на плёнке	29
Глава 5. Церковь без алтаря	35
Глава 6. То лето	41
Глава 7. Тот, кто вернулся	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Денис Иваненков

Под чёрной водой

Глава 1. Дом, который меня помнил

В Мороков я приехал под вечер, когда дождь уже несколько часов мешался с первым мокрым снегом, а дорога, петлявшая между почерневшими елями, казалась настолько пустой, что временами мне начинало мерещиться, будто автобус не приближал меня к городу, а, наоборот, увозил куда-то из привычного мира, где ещё существовали нормальные станции, освещённые магазины, люди с пакетами в руках и телефоны, ловившие сеть без необходимости поднимать их к окну. За стеклом тянулся лес, временами расступавшийся и открывавший серую поверхность озера Вереск, которое я помнил почти исключительно по старым фотографиям, потому что собственное детство до семи лет оставалось в моей голове набором разрозненных картинок: красная кружка, отцовская рука на руле, мокрая лестница, чьё-то лицо, которое я каждый раз забывал прежде, чем успевал рассмотреть. Когда водитель сказал, что следующая остановка конечная, мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он

обращался именно ко мне.

- Приехали, мужчина. Мороков.

- Уже?

Водитель усмехнулся, глядя на меня в зеркало.

- А вы надеялись, что проедем мимо?

- Если честно, немного.

- Поздно передумали.

Он выпустил меня возле старого автовокзала, представлявшего собой одноэтажное здание с выцветшей надписью и заколоченным киоском, после чего автобус развернулся и почти сразу исчез за стеной мокрого снега. Некоторое время я стоял один, придерживая чемодан и рассматривая город, который видел впервые за двадцать семь лет, хотя странное чувство узнавания появилось практически сразу. Я знал, что за углом должна находиться аптека, ещё до того, как увидел зелёный крест; знал, что если пройти вдоль улицы метров двести, справа будет пожарная часть, а потом небольшая площадь с памятником солдату, и это знание раздражало меня сильнее, чем могло бы раздражать воспоминание, потому что памяти как раз не было. Родители всегда объясняли это тяжёлой болезнью, перенесённой в детстве, однако ни названия заболевания, ни фамилии врача я никогда не слышал, а когда однажды спросил отца подробности, он посмотрел на меня так, словно я заговорил о чём-то неприличном, и ответил, что некоторые вещи лучше оставить там, где они закончились.

Дом стоял на окраине, почти у самого леса, и выглядел хуже, чем на фотографиях нотариуса. За последние годы отец практически не вкладывал в него деньги: краска облупилась, водосточная труба отошла от стены, сад зарос так сильно, что яблони превратились в переплетённые тёмные силуэты. Я открыл калитку, протиснулся между мокрыми кустами и остановился у крыльца, потому что на мгновение мне показалось, будто за занавеской кухни кто-то отступил от окна. Первой мыслью были бомжи, второй - сосед, третьей - совершенно детская и потому особенно неприятная уверенность, что дом узнал меня раньше, чем я успел узнать его.

Внутри пахло холодной древесиной, старой одеждой и табак, хотя отец бросил курить лет пятнадцать назад. Электричество работало, вода тоже, и после получаса возни с котлом батареи начали понемногу теплеть. Я прошёл комнаты, заглядывая в шкафы и машинально отмечая вещи, которые предстояло выбросить или продать, но вскоре перестал заниматься этим делом, потому что вокруг слишком часто попадались предметы, вызывавшие необъяснимую тревогу. Старый зелёный торшер в гостиной я помнил. Царапину возле дверной ручки помнил. Даже маленькое пятно на потолке в коридоре, похожее на голову собаки, почему-то казалось знакомым. При этом ни одного нормального воспоминания за всеми этими деталями не появлялось, и мозг вёл себя словно неисправный компьютер, распознававший файлы, которые отказывался открывать.

Около семи вечера в дверь постучали.

На крыльце стояла маленькая пожилая женщина в пуховом платке, с кастрюлей в руках и таким выражением лица, будто мы виделись вчера.

- Лёшенька.

Я не сразу понял, кто она.

- Здравствуйте.

- Не узнаёшь, значит.

- Простите.

- Зинаида Петровна. Через дом жила. И сейчас живу, куда я денусь.

Она сунула мне кастрюлю.

- Голубцы. Небось с дороги голодный.

- Спасибо, но вы зря...

- Не зря. Отец твой тоже всё говорил, что зря, а потом кастрюлю чистую возвращал.

Я впустил её в прихожую, помог снять пальто, поставил чайник и некоторое время слушал обычные соседские рассказы: кто умер, кто уехал, где теперь магазин, почему зимой лучше не ездить по нижней дороге. Это успокаивало, возвращало Морокову нормальность, которой город явно не заслуживал в моём воображении. Зинаида Петровна рассказывала быстро, перескакивая с темы на тему, пока её взгляд не остановился на двери возле лестницы.

- Подвал не открывал?

- Ещё нет.

- И не надо.

Я рассмеялся.

- Там что, привидение?

Она не улыбнулась.

- Там твой отец сидел.

- В подвале?

- Последние лет семь приезжал каждую осень. Дня на три, иногда на неделю. Я думала, документы какие разбирает. Потом слышала ночью, как он разговаривает.

- По телефону?

- Нет.

- Откуда вы знаете?

- Потому что отвечал кто-то снизу.

Мне захотелось пошутить, но лицо старухи оставалось слишком серьёзным.

- Может, радио работало.

- Может.

Она поднялась.

- Только ты ночью к озеру не ходи.

- А это ещё почему?

- Отец ходил.

- И?

- Возвращался мокрый, даже когда дождя не было.

Она уже надела пальто, когда я спросил:

- Зинаида Петровна, а я маленьким часто ходил к озеру?

Женщина застыла.

- Кто тебе сказал?

- Никто. Просто спросил.

- Не ходил.

Ответ прозвучал слишком быстро.

- Совсем?

- Совсем.

- Странно. Мне кажется, я его помню.

Она посмотрела на меня долгим тяжёлым взглядом.

- Вот поэтому и не ходи.

После её ухода я выпил чай, съел половину голубцов и некоторое время сидел на кухне, рассматривая ключи, оставленные нотариусом. Один из них был маленький, другой - длинный гаражный, третий не подходил ни к одной двери, которую я проверил. Подвал оказался заперт отдельным новым замком. Я подёргал его, убедился, что без инструмента не открыть, и решил заняться этим утром.

Спать лёг около полуночи, но заснул далеко не сразу. В доме постоянно что-то потрескивало, котёл включался и выключался, ветер стучал веткой в стекло, и всё это было совершенно естественно, пока примерно в два часа ночи я не проснулся от другого звука.

Три удара.

Пауза.

Ещё три.

Я лежал неподвижно, вслушиваясь, и вскоре понял, что звук шёл не с улицы и не из труб. Он доносился снизу.

Три удара.

Пауза.

Три.

Я включил свет, натянул джинсы и спустился. В коридоре было тихо. Дверь подвала оставалась закрытой, замок висел на месте, и я уже собирался вернуться наверх, когда услышал тихий скрип со стороны кухни.

Сначала я решил, что открылось окно.

Потом увидел стол.

На потемневшей деревянной поверхности лежал мокрый отпечаток ладони.

Я подошёл ближе, провёл пальцем по воде и машинально посмотрел на дверь, хотя она была заперта изнутри. След находился не возле края, куда человек мог бы опереться рукой, а почти посередине столешницы, словно ладонь приложили сверху.

Отпечаток был маленьким.

Детским.

И именно тогда, стоя на холодной кухне среди ночи, я впервые ощутил не страх даже, а почти физическое узнавание, потому что точно такой же мокрый след я уже когда-то видел.

Где и когда, я вспомнить не смог.

Зато из-за двери подвала снова раздались три медленных удара.

На этот раз после паузы кто-то постучал четвёртый.

И я совершенно отчётливо услышал детский смех.

Глава 2. Комната под лестницей

Утром произошедшее казалось менее убедительным. Свет всегда обладал неприятной способностью превращать ночные кошмары в бытовые недоразумения: вода на столе могла появиться от протекающего потолка, хотя потолок был сухим; стук - от труб, хотя котёл ночью почти не работал; смех - от сна, из которого я окончательно не проснулся. Я повторял эти объяснения, пока пил кофе, и почти поверил в них, но потом подошёл к двери подвала и увидел на нижней части косяка тонкую влажную полосу, будто по ту сторону двери стояла вода.

Замок я сбил молотком минут за десять.

За дверью оказалась узкая лестница, ведущая вниз, причём запах сырости почти сразу сменился другим - бумажным, пыльным, знакомым по архивным помещениям, в которых я проводил половину жизни. В подвале отец оборудовал настоящий кабинет: электрический обогреватель, письменный стол, металлические стеллажи, старый кассетный магнитофон, коробки с плёнками, карты озера Вереск и несколько десятков папок. Первое, что бросилось мне в глаза, - фотографии. Они были прикреплены к стене кнопками в несколько рядов, и почти на каждой изображались люди, иногда по одному, иногда семьями, иногда группами. Под снимками отец подписывал даты.

1967.

1968.

1969.

1970.

1971.

1972.

Почти через одинаковые промежутки.

На некоторых фотографиях поверх лиц красным карандашом были нарисованы кружки. Рядом повторялась одна и та же фраза: «ВСПОМНИЛ ВОДУ».

Я снял ближайший снимок. На нём стоял мужчина лет сорока в армейской куртке, снятый возле причала. На обороте отец написал: «Громов А. С., пропал 14.11.1989, вернулся 16.11.1989. Утверждал, что отсутствовал пять лет. Через неделю утопился в ванной».

Следующий снимок оказался детским.

Пять человек возле озера.

Я узнал себя сразу, хотя много лет не видел фотографий того возраста: худой мальчик в красной ветровке стоял сбоку, щурясь на солнце. Рядом были две девочки, ещё один мальчик и взрослый мужчина, которого отец тщательно вырезал ножницами, оставив белую дыру.

Надпись на обороте гласила: «Июнь 1999. За две недели до первого спуска».

Я сел прямо на пол.

Первого спуска.

Фраза выглядела настолько невозможной, что какое-то время я просто смотрел на неё, ожидая, будто слова изменятся сами собой.

Телефон зазвонил резко, заставив меня вздрогнуть.

- Алексей Воронов? - спросил женский голос.

- Да.

- Это из городской библиотеки. Вы вчера оставляли заявку по архиву семьи?

Я вспомнил письмо, которое отправил ещё из Москвы.

- Да, точно.

- Документы нашли. Если хотите, можете подойти сегодня.

- Буду через час.

Городская библиотека занимала бывший купеческий дом возле площади. За стойкой сидела женщина примерно моего возраста, с короткими тёмными волосами и кружкой, на которой было написано «Сначала кофе, потом люди».

- Алексей?

- Марина?

- Горская. Мы переписывались.

Она пожала мне руку, затем прищурилась.

- Слушай, а ты вообще меня не помнишь?

Вопрос прозвучал почти буднично.

- Простите?

- Ну всё понятно.

Она поставила кружку.

- Мы в детстве вместе играли.

- Серьёзно?

- Очень обидно, между прочим. Я тебе даже велосипед давала.

- Возможно, поэтому мозг и решил стереть травму.

Марина усмехнулась.

- Дурак ты был и дураком остался.

- Это уже больше похоже на старую знакомую.

Некоторое время мы разговаривали легко, и я даже почувствовал облегчение, пока не показал ей фотографию из отцовского подвала. Марина замолчала сразу.

- Откуда это?

- У отца.

- Он сохранил?

- Судя по всему.

Она взяла снимок двумя пальцами.

- Вот ты. Вот я. Это Катя Зимина. А это Илья.

- Какой Илья?

Марина подняла глаза.

- Седов.

Имя ничего мне не сказало.

- И что с ним?

- Он пропал.

- Когда?

- Через две недели после этой фотографии.

Я почувствовал холод.

- Совсем?

- Совсем.

- А остальные?

Она медленно положила фотографию на стол.

- Мы пропали вместе.

За следующую минуту я услышал историю, которой мне почему-то никогда не рассказывал отец. Летом 1999 года четверо детей ушли к озеру и исчезли. Поиски продолжались несколько часов. Троиخ нашли на другом берегу, примерно в восемнадцати километрах от места исчезновения. Илья Седов не вернулся.

- Мы что-нибудь рассказывали?

Марина усмехнулась без веселья.

- Ещё как.

- Что?

- Что были в доме под водой.

Я смотрел на неё, ожидая продолжения.

- Нам было семь-восемь лет, - сказала она. - Взрослые решили, что мы придумали одну историю, потому что напугались. Потом Катя перестала говорить про это вообще. Я почти всё забыла. А ты...

- Что я?

Она отвела взгляд.

- Ты несколько дней рисовал лестницы.

У меня пересохло во рту.

- Какие?

- Которые уходят вниз.

Я достал телефон и показал фотографию карты из подвала. В центре озера отец нарисовал спираль.

- Такое видела?

Марина долго молчала.

- Видела.

- Где?

- На камне.

- Каком камне?

- Не помню.

Я понял, что она соврала.

- Марина.

- Не надо.

- Ты знаешь больше.

- А ты приехал дом продавать, Лёша. Вот и продай.

- Только что ты сообщила мне, что я в детстве исчезал вместе с ребёнком, которого больше никто не видел.

- И именно поэтому я советую не копать.

- Люди обычно говорят наоборот.

- Люди обычно идиоты.

Она поднялась и ушла в архивное помещение, а через несколько минут вернулась с подшивкой старых газет. Заметка была короткой: «Четверо детей пропали в районе озера Вереск. Трое обнаружены живыми. Поиски Ильи Седова продолжаются». Ни слова о доме под водой.

Домой я вернулся затемно.

В подвале просидел почти три часа, просматривая папки. Отец собирал сведения о десятках исчезновений, несчастных случаев и самоубийств. Особенно часто встречалась одна формулировка: «слышал голоса». Я включил первый магнитофонный ролик.

Долго звучал ветер.

Потом голос отца.

- Запись двенадцатая. Девятнадцатое ноября две тысячи двадцать первого года. Уровень шума вырос. Сегодня опять слышал его возле старого причала.

Шорох.

- Если кто-нибудь найдёт эти плёнки после моей смерти, скорее всего, я не успел закончить. Алексей, если это ты...

Я приблизился к магнитофону.

Отец помолчал.

- Не пытайся вспомнить Илью.

В комнате стало холоднее.

- Слышишь меня? Не пытайся. Что бы тебе ни показывали, что бы ты ни услышал, не отвечай.

На записи что-то щёлкнуло.

А затем раздался детский голос.

- Лёша уже вспомнил.

Я замер.

Голос был мальчишеским, спокойным.

Потом кто-то засмеялся.

И в этом смехе я узнал себя.

Глава 3. Люди, которые смотрели на озеро

На следующий день мы встретились с Сергеем Даниловичем Лебедевым, бывшим следователем, руководившим поисками в девяносто девятом. Он жил возле старой лесопилки, в доме с голубым забором и десятком пустых кормушек для птиц. Марина предупредила, что старик разговаривать не любит, однако стоило ему услышать мою фамилию, как он молча открыл калитку.

- Вылитый отец, - сказал он вместо приветствия.
- Мне часто это говорят.
- Плохой комплимент.

Мы прошли на кухню. Лебедев достал бутылку, поставил три рюмки.

- Я за рулём, - сказала Марина.
- Тогда тебе чай.
- Я тоже не буду, - сказал я.

Старик посмотрел на меня.

- А зря.

Он выпил один.

Я положил фотографию на стол.

- Расскажите, что произошло в девяносто девятом.
- Зачем?

- Потому что никто мне не рассказал.

- Значит, была причина.

- Мой отец умер.

- Это не отменило причину.

Разговор начинал раздражать.

- Сергей Данилович, я уже нашёл его записи. Я знаю про исчезновения. Про озеро. Про Илью. Хотите помочь - помогите. Не хотите - я уйду.

Старик усмехнулся.

- Вот теперь точно Воронов.

Он налил вторую рюмку, но не выпил.

- Вас нашли утром.

- В газетах написано через несколько часов.

- В газетах много чего пишут.

- Сколько мы отсутствовали?

- По часам - девять часов семнадцать минут.

- А по-вашему?

Он посмотрел на Марину.

- Она помнит.

Марина напряглась.

- Не начинайте.

- Ты ему не сказала?

- Что?

Лебедев повернулся ко мне.

- Когда вас нашли, у всех троих были признаки обезвоживания, будто вы несколько дней ничего не пили. Ногти гряз-

ные, одежда порвана. На ногах мозоли. А ты утверждал, что вы были там неделю.

- Где?

- Под озером.

Мне стало не по себе.

- Что именно я говорил?

- Что там большой дом. Что внутри много комнат. Что Илья встретил маму.

- Его мать была жива?

- Умерла годом раньше.

Марина тихо сказала:

- Я это тоже помню.

Я повернулся.

- Почему молчала?

- Потому что мне восемь было, Лёша. Я всю жизнь пыталась решить, приснилось это или нет.

Лебедев продолжил:

- Катя говорила, что лестница стала длинной. Ты говорил, что сначала ступеней было двадцать, потом тысяча.

- Это детский бред.

- Конечно.

Он наклонился.

- Только нашли вас на берегу в восемнадцати километрах. Босиком. За девять часов вы бы туда не дошли.

- Можно было на лодке.

- Все лодки проверили.

- Кто-нибудь видел нас?

- Нет.

Я посмотрел на фотографию.

- Илью не нашли?

- Нет.

- Тело?

- Нет.

- Вещи?

- Один ботинок.

- Где?

Старик долго молчал.

- На глубине сорока метров.

- Как?

- Вот и я спрашивал.

Он наконец выпил вторую рюмку.

Перед нашим уходом Лебедев схватил меня за рукав.

- Послушай внимательно. Если ночью кто-нибудь позовёт с воды, не отвечай.

- Кто может позвать?

- Первый раз чужой голос. Второй - знакомый. Потом свой.

- Вы это откуда знаете?

- Потому что слышал.

Марина уже открыла дверь.

- Когда?

Лебедев посмотрел куда-то мимо меня.

- После того как вас нашли.

На обратном пути мы почти не разговаривали. Озеро лежало справа от дороги, серое, гладкое, совершенно неподвижное. Возле старого причала я заметил человека.

Он стоял по колено в воде.

- Останови.

- Что?

- Останови машину.

Марина затормозила.

Я вышел.

Фигура находилась метрах в ста. Мужчина или подросток - трудно было понять. Он стоял спиной ко мне.

- Эй!

Марина открыла дверь.

- Лёша, ты чего?

- Там человек.

- Где?

Я указал.

Фигура повернулась.

Даже на расстоянии я увидел бледное лицо.

И понял, кто это.

Не потому что вспомнил.

Просто знал.

- Илья.

- Что?

- Это Илья.

Марина вышла, взгляделась.

- Там никого нет.

- Да вон же.

Фигура подняла руку.

Я сделал шаг к воде.

- Лёша.

Марина схватила меня за локоть.

- Ты меня слышишь?

- Отпусти.

- Там никого нет.

Я посмотрел на неё, потом обратно.

Берег был пуст.

Только вода расходилась кругами, словно кто-то медленно ушёл на глубину.

Вернувшись, домой, уже сумерки опускались на землю, я нашёл возле входной двери мокрые следы босых ног. Они начинались с середины прихожей, словно человек появился там внезапно, не войдя ни через дверь, ни через окно, а просто сделал первый шаг из пустоты, оставив на старом паркете чёткий отпечаток пятки и пяти пальцев. Дальше следы тянулись к лестнице и уходили на второй этаж дома, причём воды на них было столько, будто тот, кто оставил их, несколько секунд назад стоял по колено в озере. Я долго не двигался, прислушиваясь к дому, но сверху не доносилось ни скрипа половиц, ни дыхания, ни шороха одежды, и именно эта тишина пугала сильнее любого шума, потому что я уже знал:

на втором этаже кто-то должен был находиться.

Я проверил замок входной двери, хотя прекрасно помнил, как закрывал его. Цепочка висела на месте, окна в гостиной и кухне тоже были заперты изнутри. Вернувшись в прихожую, я присел возле первого отпечатка и провёл пальцем по воде. Она была ледяной и пахла тиной, мокрым камнем и чем-то ещё, неприятно знакомым, чем пахло от озера в те редкие моменты, когда ветер дул со стороны старого причала. Мне хотелось позвонить Марине, однако тут же стало стыдно: взрослый мужик стоит в собственном доме и боится подняться на второй этаж из-за мокрых следов. Я уже достал телефон, потом убрал его обратно и тихо сказал, обращаясь неизвестно к кому:

- Хорош. Если это какой-то идиотский розыгрыш, выходи.

Ответа не последовало.

Я взял с кухни нож, почти сразу почувствовал себя ещё большим идиотом, но положить его обратно не смог. Первый след на лестнице находился на третьей ступени, второй - на пятой, будто человек поднимался через одну, а дальше расстояние между отпечатками становилось всё больше. На площадке вода уже стекала тонкими струйками по краям половиц. Я остановился и посмотрел в тёмный коридор. Дверь моей спальни была открыта, хотя я совершенно точно оставлял её закрытой.

- Кто здесь?

На этот раз сверху что-то тихо скрипнуло.

Я поднялся ещё на несколько ступеней, стараясь дышать медленнее, хотя сердце уже колотилось так сильно, что мне казалось, его было слышно во всём доме. Следы пересекали веди прямо к спальне. Возле порога они обрывались.

Я включил свет.

Комната была пуста.

Окно закрыто. Шкаф закрыт. Под кроватью ничего, кроме пыли и старой коробки. Я даже отдёрнул штору, чувствуя себя персонажем дешёвого фильма ужасов, который обязан проверить именно то место, куда нормальный человек смотреть не станет. Никого.

Только постель выглядела иначе.

На подушке темнело влажное пятно.

Я подошёл ближе и увидел несколько коротких светлых волос, прилипших к ткани. Не моих.

А рядом, на запотевшем от непонятно откуда взявшейся влаги стекле тумбочки, пальцем было написано одно слово:

«ЛЁША».

Я попятился.

Телефон в кармане завибрировал так внезапно, что я едва не выронил нож. Звонила Марина.

- Да?

Несколько секунд она молчала.

- Ты сейчас дома?

- Да.

- Один?

Я посмотрел на мокрую подушку.

- Уже не уверен.

- Не шути.

- Я не шучу. Что случилось?

Марина тяжело выдохнула.

- Я вспомнила, кому принадлежали следы.

У меня пересохло во рту.

- Какие следы?

- Там, в девяносто девятом. Когда нас нашли, возле тебя были отпечатки босых ног. Полицейские решили, что это наши.

Я сжал телефон.

- И?

- Они были не наши, Лёши.

Снизу раздался стук.

Три удара.

Пауза.

Три.

Я повернулся к лестнице.

- Марина...

- Что?

Четвёртый удар прозвучал уже не снизу.

Он раздался за моей спиной.

Из шкафа.

Я бросил телефон на кровать и резко метнулся к шкафу. Распахнул его, сердце бешено билось, и в голове начали

мелькать образы того, что я сейчас могу увидеть в шкафу. Распахнув дверцы шкафа, я увидел только какие-то старые вещи. Начал проверять всё в нём, выкидывать вещи на пол - но ничего. Крысы? Просто скрип в старом доме? Моя бурная фантазия? Надо успокоиться и ложиться спать.

Глава 4. Голоса на плёнке

Следующие два дня мы разбирали отцовские записи вместе с Мариной, хотя она несколько раз повторила, что считала это плохой идеей. Её страх выглядел не суеверным, а раздражённым, как если бы человек заметил первые симптомы давно знакомой болезни и заранее знал, чем всё закончится. Мне же остановиться было невозможно. Я чувствовал, что вокруг меня существовала огромная пустота, которую отец всю жизнь старательно маскировал обычными разговорами, работой, редкими поездками, и теперь, когда она открылась, притвориться, будто её нет, уже не получалось.

На плёнках почти всегда звучал низкий гул. Иногда настолько слабый, что его можно было принять за помехи. Иногда он становился глубже, и тогда вибрация словно ощущалась внутри зубов.

- Слышишь? - спросил я.

- Да.

- Похоже на генератор.

- В озере?

- Может, подстанция рядом.

Марина посмотрела на меня.

- Ты сам веришь?

- Очень стараюсь.

На записи отец говорил с кем-то.

- Ты не Илья.

Другой голос был тихим, почти неразличимым.

- А ты всё ещё называешь себя Виктором.

Марина резко нажала паузу.

- Ещё раз.

Я перемотал.

- Ты не Илья.

- А ты всё ещё называешь себя Виктором.

- Оставь сына в покое.

- Он нашёл дорогу раньше тебя.

Отец выругался.

- Он был ребёнком.

- Именно поэтому дверь открылась.

После этих слов начался треск, похожий на ломавшийся лёд.

- Что за чёрт? - прошептала Марина.

- Дата?

- Прошлый месяц.

Мы переглянулись.

Отец умер три недели назад.

То есть он разговаривал с этим кем-то практически перед смертью.

Около полуночи Марина уехала, а я остался один. Решил принять душ и лечь спать, но, выйдя из ванной, обнаружил грязь на полу прихожей.

На моих ботинках.

Они были мокрыми.

Я присел, потрогал шнурки.

На подошве прилипли мелкие серые камни.

Такие лежали только на берегу.

Телефон показывал 02:17.

Последнее, что я помнил, - как около одиннадцати стоял под душем.

В галерее телефона обнаружилась новая фотография.

Озеро.

Снято с причала.

Время - 01:43.

Я позвонил Марине.

Она ответила почти сразу.

- Ты вообще нормальный? Два ночи.

- Я ходил к озеру.

- Что?

- Не помню.

Сон исчез из её голоса.

- Дверь закрой. Сейчас приеду.

- Не надо.

- Я не спрашивала.

Через пятнадцать минут машина остановилась возле дома. Марина вошла в куртке поверх пижамы.

- Показывай.

Я протянул телефон.

Она долго смотрела на фотографию.

- Ты один был?
- Не знаю.
- Что значит «не знаю»?
- Я не помню.
- Лёша, это уже не смешно.
- А я смеюсь?

Она подняла глаза.

- У тебя рука.

На запястье была царапина.

Не царапина.

Знак.

Кто-то словно острым предметом нарисовал на коже спираль.

Мы спустились в подвал и просмотрели остальные записи. На одной отец говорил, что «якорь слабеет». На другой упоминал двадцать первое ноября. На третьей повторял одну фразу:

- Если Алексей начнёт ходить во сне, времени не осталось.
- Марина остановила магнитофон.
- Сегодня какое?
 - Пятнадцатое.
 - Уезжай.
 - Нет.
 - Лёша, серьёзно.
 - Если отец знал, что это произойдёт, значит, оставил объяснение.

- А если объяснение тебе не понравится?

- Тогда хотя бы буду знать.

Она ударила ладонью по столу.

- Да что с тобой такое? Ты пропал здесь ребёнком, теперь ходишь к воде во сне, у тебя на руке непонятно что, а ты сидишь и рассуждаешь, будто архивную ошибку нашёл.

Я повысил голос:

- Потому что отец мне всю жизнь врал!

- Может, хотел защитить!

- Отлично защитил.

- Он умер, Алексей.

- Я знаю.

После этих слов мы замолчали.

Через несколько минут Марина тихо сказала:

- Прости.

- Ты права.

- Ты тоже.

Мы сидели, слушая, как потрескивал обогреватель.

Потом из динамика выключенного магнитофона раздался голос.

- Лёша.

Мы оба замерли.

- Ты слышала?

Марина побледнела.

- Да.

Магнитофон был отключён от розетки.

Голос повторил:

- Лёша, я здесь.

И я впервые вспомнил лицо Ильи.

Светлые волосы.

Щель между передними зубами.

Зелёная футболка.

И то, как он стоял на лестнице и спрашивал:

- Мы обратно точно выйдем?

Воспоминание исчезло почти сразу, но вместе с ним в голове осталось другое.

Я ответил ему:

- Конечно.

И соврал.

Глава 5. Церковь без алтаря

Старую церковь мы нашли в лесу примерно в трёх километрах от города. О ней упоминалось в тетрадях отца, а в библиотечном архиве сохранился план поселения 1764 года, где здание было отмечено как «молитвенный дом святого Варфоломея». Марина сказала, что местные называли его церковью, хотя священника там никогда не было, и уже одно это казалось достаточно странным.

К полудню снег усилился. Лес стоял тихий, тяжёлый, ветви прогибались под мокрой белой массой, и чем дальше мы отходили от дороги, тем сильнее мне казалось, что деревья вокруг расположены неправильно. Некоторые росли словно по кругу, образуя огромную воронку.

- Ты тоже заметила?

- Что?

- Деревья.

Марина оглянулась.

- Не начинай.

- Я ничего не начал.

- Вот именно таким голосом люди обычно начинают.

Церковь оказалась ниже, чем я ожидал, почти вросшей в землю, словно за долгие годы лес постепенно затягивал её в себя, прижимая к сырой почве тяжестью корней, мха и снега. Покосившаяся крыша местами просела, крест над ней отсут-

ствовал, а стены, сложенные из потемневших брёвен, были покрыты длинными серыми трещинами и зеленоватым налётом, похожим на плесень. Двери не оказалось вовсе: в стене зиял тёмный прямоугольный проём, и оттуда тянуло холодом, причём не обычным зимним сквозняком, а тяжёлым влажным воздухом, пахнувшим землёй, старой древесиной и чем-то слабым, едва уловимым, напоминавшим воду, слишком долго простоявшую в закрытом колодце.

Внутри было темнее, чем должно было быть в середине дня. Свет проникал через узкие окна под самой крышей, однако почти сразу терялся среди почерневших стен и массивных потолочных балок, поэтому дальний конец помещения приходилось рассматривать при свете фонарей. Я ожидал увидеть хотя бы остатки алтаря, старые иконы или следы того, что когда-то находилось на их месте, но ничего подобного не было. Вместо алтарной части пол заканчивался ровным квадратным провалом примерно два метра шириной, вокруг которого полукругом стояли почерневшие скамьи, обращённые не к стене и не к кресту, а именно к этой тёмной яме, будто люди, приходившие сюда когда-то молиться, смотрели не вверх, а вниз. Доски возле края были стёрты сильнее остальных, словно по ним много лет ходили, а на нескольких скамьях сохранились глубокие царапины от ногтей или ножа.

Я подошёл ближе и посветил внутрь. Провал оказался не колодцем в обычном смысле: вдоль одной стены вниз уходил

ли узкие каменные ступени, влажные и почти чёрные, причём нижние быстро исчезали в темноте, которую луч фонаря будто не мог пробить до конца.

- Это что? - спросил я.

- Колодец.

- В церкви?

- Здесь всё через одно место.

Я перевёл луч фонаря на ближайшую стену и только тогда заметил, что вся древесина вокруг провала была испещрена надписями. Сначала мне показалось, что это обычные царапины, оставленные подростками или охотниками, но, присмотревшись, я понял, что перед нами были имена - десятки, возможно сотни имён, вырезанных разными руками, разным почерком и, судя по глубине потемневших борозд, в разное время. Некоторые почти исчезли под плесенью, другие выглядели совсем свежими.

Среди этой массы имен, будто неведомая сила указала, я нашел «ВИКТОР ВОРОНОВ».

Ниже - «АЛЕКСЕЙ ВОРОНОВ».

Рядом стояла дата.

21.11.2026.

Я перечитал её дважды.

- Марина.

Она подошла.

- Это кто написал?

- Хотелось бы знать.

- До двадцать первого шесть дней.

Снизу раздалось шуршание.

Мы одновременно направили фонари в колодец.

- Там кто-то есть, - сказала Марина.

- Эй!

Ответа не было.

Потом из темноты донёсся голос:

- Маришка.

Она отшатнулась.

- Нет.

- Кто это?

- Молчи.

Голос повторил:

- Мариш, помоги.

Марина схватила меня за рукав.

- Уходим.

- Кто это?

- Мой брат.

Я знал, что у неё не было брата.

По крайней мере, она никогда не упоминала.

Снизу послышался кашель.

- Мариш, ну хватит. Мне холодно.

Марина закрыла рот ладонью.

- Он погиб десять лет назад.

Мы выбежали наружу из этих непонятных развалин.

Возле стены стоял мужчина в длинном пальто.

Я чуть не ударил его фонарём.

- Спокойно, - сказал он. - Если бы я хотел вас убить, выбрал бы место потеплее.

Его звали Аркадий Назаров. Краевед, бывший геолог.

Он знал моего отца.

- Виктор говорил, ты вернёшься.

- Почему?

- Потому что выбора у тебя не будет.

- Очень полезно.

Назаров посмотрел на церковь.

- Вы уже слышали?

Марина резко сказала:

- Что это?

- Не знаю.

- Все тут ничего не знают.

- Это единственный честный ответ.

По дороге назад он рассказал, что в шестидесятых проводились замеры глубины озера. Результаты отличались каждый раз.

- Сто двадцать метров. Потом семьсот. Потом прибор вообще не поймал отражение.

- Техника была плохая.

- Конечно.

- Вы сами так думаете?

Назаров улыбнулся.

- Нет.

Он остановился.

- Ошибка в самом вопросе. Вы спрашиваете, что находится под озером. А надо спрашивать, куда ведёт озеро.

В ту ночь мне приснилась лестница.

Я спускался долго.

Внизу стоял мальчик.

Илья.

- Ты вернулся, - сказал он.

- Прости.

- За что?

Я не ответил.

Он улыбнулся.

- Значит, ещё не вспомнил.

Глава 6. То лето

Воспоминания возвращались не постепенно, а кусками, словно кто-то бросал мне фотографии, сделанные в разное время. Утром я мог вспомнить запах мокрой травы возле озера, вечером - голос Кати, ночью - ладонь Ильи, сжимавшую мою руку. Между этими фрагментами существовали огромные провалы.

Марина приехала после работы.

- Я тоже начала вспоминать.

- Что?

- Пещеру.

Мы сидели на кухне.

- Мы нашли её после грозы, - сказала она. - Там берег обвалился.

И я вспомнил.

Четверо детей.

Лето.

Нам запрещали уходить далеко.

Конечно, поэтому мы и ушли.

Пещера находилась за камнями.

Внутри - лестница.

- Мы думали, это бункер, - сказал я.

Марина кивнула.

- Илья пошёл первым.

В голове появился мальчишеский голос:

- Если там труп, я его первым увижу.

Катя ответила:

- Если там труп, я тебя первого туда толкну.

Мы смеялись.

Лестница сначала была обычной.

Потом ступени стали влажными.

Потом стены изменились.

Камень стал гладким.

Через какое-то время мы поняли, что спускаемся слишком долго.

- Надо назад, - сказала маленькая Марина.

- Ещё чуть-чуть, - ответил Илья.

Тогда он слышал мать.

- Илюша.

Он застыл.

- Мам?

Я схватил его.

- Там никого нет.

- Она меня зовёт.

- Твоя мама умерла.

Он ударил меня.

- Заткнись!

Дальше провал.

Я очнулся в настоящем.

Марина плакала.

- Ты знал.
- Что?
- Что он останется.
- Нет.
- Лёша, ты нам сказал.
- Что сказал?

Она вытерла лицо.

- «Одному надо остаться, иначе оно пойдёт за нами».

Меня затошнило.

- Мне семь было.
- Мне восемь.
- Откуда я мог знать?
- Не знаю.

Я встал.

- Может, мы всё придумали.

Марина смотрела на меня молча.

- Да, - сказал я. - Четверо детей придумали одинаковый бред, один исчез, трое оказались за восемнадцать километров. Отличная версия.

- Лёша.
 - Что?
 - Я помню ещё кое-что.
 - Говори.
 - Там был твой отец.
- В комнате стало тихо.
- Где?

- Внизу.
- Невозможно.
- Он пришёл за нами.
- Ты уверена?
- Теперь да.

Я сел.

- Значит, взрослые знали про это место.
- Похоже.

В тот же вечер мы нашли в дневнике отца запись:

«Спуск 1999 года произошёл раньше срока. Алексей услышал зов. Дети вошли самостоятельно. Пришлось принимать решение».

Ниже была одна фраза.

«Пусть Бог простит меня за Илью».

Я закрыл тетрадь.

- Он оставил его там.

Марина ничего не ответила.

Мне вдруг захотелось разбить всё вокруг.

Вместо этого я тихо спросил:

- А я?
- Что ты?
- Я помог?

Она не ответила.

Этого хватило.

Глава 7. Тот, кто вернулся

Илья пришёл в кафе утром семнадцатого ноября.

Марина позвонила мне и сказала только:

- Приезжай.

Я нашёл её за дальним столиком.

Напротив сидел мужчина.

Светлые волосы.

Серые глаза.

Щель между передними зубами.

Он повернулся.

- Здорово, Лёш.

Я остановился.

- Кто ты?

- Неприятное начало.

- Кто ты?

- Илья.

- Нет.

- Хорошо. Тогда Петя.

Марина прошептала:

- Он знает всё.

Я сел.

- Где ты был?

Илья пожал плечами.

- Там.

- Двадцать семь лет?

- Для тебя.

- А для тебя?

Он задумался.

- Не знаю. Иногда день. Иногда очень долго.

Я опустил взгляд на его руки, лежавшие на столе. Почему-то именно они беспокоили меня сильнее лица: взрослые, жилистые, с длинными пальцами и несколькими тонкими шрамами на костяшках, они принадлежали человеку моего возраста, хотя последний раз Илью видели семилетним мальчишкой. Мне хотелось найти на них что-нибудь неправильное - следы холода, воды, старые ожоги, хоть какое-нибудь доказательство того, где он провёл двадцать семь лет, - но руки выглядели совершенно обычными. Наверное, именно это и пугало больше всего.

- Ты человек?

- Утром вроде был.

- Не шути.

- А что мне делать? Плакать?

Он вёл себя так, словно вспоминая, как ведет себя человек.

- Почему вернулся?

- Дверь открывается.

- Какая дверь?

- Наша.

- Чья «наша»?

Он посмотрел на меня.

- Вот это сложнее.

Илья помнил вещи, которые нельзя было узнать со стороны: как мы прятали сигареты старших ребят в трубе, как я разбил окно в школе и свалил на него, как Марина боялась жуков.

Но были странности, и чем дольше мы сидели рядом, тем труднее становилось делать вид, будто я их не замечал. Илья почти не моргал. Сначала это казалось мелочью, обычной особенностью человека, который слишком внимательно смотрит собеседнику в лицо, но через несколько минут я поймал себя на том, что жду этого движения специально и начинаю испытывать почти физический дискомфорт. Его глаза оставались открытыми слишком долго, не краснели, не слезились, и только когда я сам несколько раз подряд моргнул, он словно вспомнил о необходимости повторить жест и медленно опустил веки, причём сделал это с заметной задержкой, как человек, который не чувствует естественной потребности, а просто копирует увиденное.

Ещё сильнее меня насторожило то, как он говорил о сне. Разговор начался случайно: Марина спросила, спал ли он вообще после возвращения, и Илья несколько секунд смотрел на неё так, будто смысл вопроса был ему понятен лишь приблизительно.

- Ну да, - сказал он наконец. - Наверное.

- В смысле «наверное»? - переспросила она.

- Лежал ночью.

- Это не обязательно сон.

Он чуть нахмурился.

- А что ещё надо?

- Глаза закрыть хотя бы.

Илья повернулся ко мне.

- Зачем?

Я сначала подумал, что он шутит.

- Чтобы спать.

- А если не закрывать?

- Тогда обычно не заснёшь.

Он задумался настолько серьёзно, что мне стало не по себе.

- Странно, - сказал он. - Там это было не нужно.

Марина замерла.

- Где «там»?

Илья посмотрел на неё, потом на меня и пожал плечами.

- Внизу.

Он произнёс это совершенно буднично, словно речь шла о подвале или соседней комнате, и именно эта спокойная интонация пугала сильнее самих слов. Позже я начал замечать и другие мелочи: он иногда слишком долго задерживал дыхание, словно забывал вдохнуть, поворачивал голову на звук раньше, чем звук становился слышен мне, а когда пил кофе, сначала держал глоток во рту несколько секунд, будто вспоминал, что с ним полагается делать дальше. Ни одна из

этих странностей сама по себе не выглядела чем-то невозможным, но вместе они создавали неприятное ощущение, что передо мной сидел человек, который отлично помнил, как нужно выглядеть человеком, однако временами путался в самых простых деталях.

Неожиданно Илья спросил меня:

- Когда ты думаешь, ты слышишь себя?
- В смысле?
- Ну голос внутри.
- Иногда.
- Как неудобно.
- А ты?

Илья улыбнулся.

- У меня там многолюдно.

Мы замолчали.

Перед уходом он сказал:

- Ты обещал вернуться.
- Я ребёнком был.
- Я тоже.

Вечером он появился возле дома.

- Можно?
- Ты знаешь, где я живу?
- Знал.

Мы сидели на кухне.

- Отец оставил тебя, - сказал я.
- Да.

- Ты это помнишь?

- Всё.

- Я тоже был виноват?

Он посмотрел на меня своим холодным взглядом.

- Ты ушёл.

- Почему?

- Потому что хотел жить.

- Я мог остаться.

- В семь лет?

- Не важно, я бросил тебя там!

- Знаешь, Лёш, я долго был уверен, что ненавижу тебя больше всех.

Я опустил глаза.

- Потом стало некогда.

- Почему?

Он улыбнулся.

- Нас становилось слишком много.

Свет мигнул.

На мгновение его лицо изменилось.

Я увидел отца.

- Сынок, - сказал он.

Я отшатнулся.

Илья моргнул.

- Что?

- Ты говорил его голосом.

- Чьим?

- Моего отца.

Он побледнел.

А потом из его рта раздался женский крик.

Следом - детский смех.

Следом - десятки голосов.

Илья зажал уши ладонями так резко, словно голоса звучали не вокруг нас, а прямо у него в голове.

- Не слушай! - выкрикнул он, отступил на шаг и вдруг потерял равновесие.

Он тяжело упал на пол, задев плечом стул. Я бросился к нему, но едва успел наклониться, как Илья схватил меня за рубашку обеими руками и притянул к себе. Его лицо побелело, на висках выступил пот, а взгляд метался по комнате так, будто кроме меня он видел здесь ещё кого-то.

- Они идут.

- Кто?

Он не ответил сразу. Пальцы на моей рубашке сжались сильнее.

- Те, кто помнят.

- Илья, я не понимаю. Кто «они»?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

- Все, кто туда попал. Все, кого оно когда-либо слышало.

По спине прошёл холод.

- Ты говорил, они умерли.

- Я не говорил, что они умерли.

- Тогда где они?

Илья дёрнул головой в сторону стены, словно за ней раздался звук, которого я не слышал.

- Там уже нет никакого «где», Лёш. Ты всё пытаешься представить это местом: озеро, лестница, комнаты под землёй. А это не место. Я сам только недавно понял.

- Что ты понял?

Он хотел ответить, но внезапно замолчал. Его взгляд остановился у меня за спиной.

Я медленно обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.